

Художник и литератор Владимир Абрамович Ковенацкий (1938–1986) практически всю свою жизнь прожил в коммунальной системе. И не всегда это была именно коммунальная квартира. Ведь система коммуналок, придуманная лакеями, «уплотнившими» господ в их квартирах в 1917 г. распространяется на весь менталитет эпохи и населяющих её квартирников, влияет на весь социум, деформирует всё мировоззрение современников, имевших несчастье жить в эру мест общего пользования. И потому не одна лишь коммунальная квартира, но – вся жизнь, проживаемая на виду, подчиняется тоталитарной пенитенциарной системе госконтроля. Территория обитания «народонаселения» становится обыкновенной зоной, с вышками вертухаев, расположенными по углам её периметра, колючей проволокой социальных запретов и внутренним распорядком, регламентированным внезапными шмонами и ритуальными перекличками заключённых каналоармейцев.

Детство Ковенацкого прошло в Перми. Коммунальная кухня, кастрюли, керосин-керогаз, копыт на клеёнке. Клопы в пазах старых кроватей и крысы около мусорной свалки по соседству с домом-бароком. Казёнка, в которой алкаши покупают свой горячий товар. Копейки, которые семья считает от аванса до зарплаты... Но эта комнатёнка иногда становилась камерой Папы Карло, в которой можно было повесить холст с нарисованным на нём котелком. Тогда становилось ясно, что за холстом есть дверца, за замочной скважиной которой – хотелось верить – иные миры, иные страны, иные люди...

И Владимир Ковенацкий начал рисовать. В камере появились карандаши и краски. И хотя холст с котелком над огнём в комнатёнке так и не возник, но возможность переноситься в иные воображаемые миры, возникающие на бумаге, затмила эту игру воображения. И рыцари, мушкетёры, всадники, драконы – романтические персонажи мировой литературы-обманщицы, так много сулящей и столь мало выполняющей, регулярно появлялись на всех мало-мальски подходящих для рисования клочках бумаги. На листах бумаги возникал чудный мир, играющий всеми цветами карандашной радуги.

Ковенацкий рисовал настолько хорошо, что проблем с поступлением в Московскую художественную школу после переезда семьи в столицу не возникло. Казённые классы. Длинная общая спальня, напоминающая казарму, койки, поставленные в аккуратные ряды. Комсомольцы-активисты, контролирующие времяпрепровождение коллектива. Коспость (или конспирация) большинства преподавателей, безальтернативно предлагающих воспроизводить натуру, не уходя в дебри буржуазного формализма. Некоторые из учеников порой попадали в психиатрическую больницу, и в училище был культ сумасшествия, поддерживавшийся рассказами о великих безумных художниках. Ковенацкий без большой симпатии вспоминал о перманентном доносительстве и спорадическом гомосексуализме в безвоздушном пространстве этой школы. Тут уже не часто удавалось рисовать рыцарей, драконов и разбойников: они не относились к насаждаемому в училище социалистическому реализму. Приходилось участвовать в предсказуемых студиях, что, впрочем, всё равно совершенствовало мастерство художника. А иногда в качестве натюрморта в классе преподавателями выставлялся котелок, напоминающий о прекрасных тайнах и манящих перспективах...

Владимир Ковенацкий был общительным дружелюбным человеком, но совершенно очевидно простое обстоятельство: любой человек, а в особенности художник, должен иметь возможность хотя бы иногда побыть в одиночестве. У каждого думающего человека должна быть своя волшебная камера Папы Карло, где можно было бы побыть наедине с самим собой. К тому же, творчество – слишком интимный процесс, и он вовсе не всегда должен становиться достоянием окружающих.

В 1961 г. Ковенацкий женился.

Болезни великих

Коммунальные каморки Ковенацкого

75 лет назад родился этот талантливый русский художник

Начались бытовые хлопоты и рутинные покупки. Кроме красок, бумаги, карандашей и гравюрных штихелей необходимыми оказались кресла, кровати, кухонные занавески... Но странная женитьба художника оказалась впоследствии браком по расчёту со стороны его жены, для которой более важными обстоятельствами были жилплощадь и прописка, нежели пресловутая любовь-морковь. Кошмар бытовых конфликтов. Козни бывшей жены, сумевшей в конце концов отсудить себе квартиру и кухонную посуду с волшебным котелком Папы Карло. Брак распался вскоре после рождения ребёнка. Отношения с сыном навсегда остались для Ковенацкого источником печали. К родителям вернуться было невозможно: все эти материнские реплики, упреки и крики: «А ведь я тебя предупреждала...» и пр.

Отношения с родственниками всё более осложнялись, чему немало способствовала ещё одна неудачная попытка женитьбы мастера, которая вновь оказалась связанной с решением квартирного вопроса: как только была куплена квартира в жилищном кооперативе Союза художников, этот брак распался – и опять Ковенацкий остался бездомным, опять ему предстояла длинная цепочка обменов-доплат. После развода со второй женой в результате череды обменов у Ковенацкого снова появилось жильё – две комнаты в коммуналке с двумя соседями (Казарменный переулок на Покровке). Появилась даже мастерская – однокомнатная квартирочка в полуподвале. Долгожданная каморка Папы Карло, которую можно превратить хоть в келью, хоть в кабинет, хоть в кладовую...

Но постепенно функции друга-

менеджера и по совместительству эстета-идеолога при неординарном и талантливом художнике взял на себя некто Б.Кердимун. Этим знакомством некоторые биографы Ковенацкого пытаются объяснять те изменения, которые всё в большей мере происходили в жизни и психике мастера. Под влиянием Кердимуна он почти незаметно, но неуклонно превращался в безвольного, аутичного, неряшливого, тереющего чувство юмора человека. Постепенно художник совершенно перестал общаться с бывшими друзьями и родственниками: возможно, нового друга не устраивала

мера, любил подолгу принимать ванну. Но мать не разрешала ему этого, опасаясь неподконтрольных действий своего бородатого ребёнка. Художник рассказывал, что мать сняла задвижки на всех квартирных дверях, и он не мог побыть один ни в комнате, ни даже в туалете. Не хватало лишь тюремного глазка. Мать считала, что она лучше него самого знает, что ему нужно, постоянно браня художника за непослушание и разве что не ставя его в угол. Мастерская была ликвидирована: происшедшие там события были в гораздо меньшей степени подконтрольны матери. Где теперь можно было бы повесить холст с котелком, в котором варились зелье для любимых драконов Ковенацкого?

Мастер часто рисовал драконов. Эти существа появлялись в антураже пресного коммунального быта и предсказуемой обыденности жизни обывателя – с его нехитрыми алкогольными утехами, очередями, мордобоем. И вначале могло показаться, что драконы эти – озверевшие люди. Но затем становилось понятно, что если в рисунках Ковенацкого и есть кто-то симпатичный и дружелюбный, то это именно они, сказочные драконы, пришедшие из детских грёз и ранних рисунков по мотивам прочитанных книг. Драконы – это друзья. Доверять можно только им. Не случайно, на некоторых гравюрах мастера монстры более напоминают домашних котиков, уютно свернувшихся возле хозяйки. Может быть, это были те самые драконы (только подростки), которых когда-то раздавил кирпичом сосед художника? В драконах, в отличие от пьяных соседей-обывателей, по крайней мере была какая-то загадка. В обывателях её не было...

Многочисленные перипетии, предшествовавшие манифесту психопатологии, наступившему после череды стрессов и скандалов, достаточно иллюстративны. Вскоре после бесповоротного отказа в разрешении на выезд у Ковенацкого произошёл тяжёлый срыв, вылившийся в резкое ухудшение психического состояния. Кердимун избавился от Ковенацкого просто – позвонив и сказав родственникам: «Заберите Вову». Психопатологическая симптоматика у художника была достаточно острой и протекала с истероформным психомоторным возбуждением: бесконечные истерические припадки, рыдания, крики, битьё кулаками по собственной голове, разорванная одежда, разбитые стёкла и зеркала... (Неистребимо поселившийся в квартире запах корвалола, тщательно отсчитываемого по каплям – как для Ковенацкого, так и для его матери. Обычная коммунальная коррида: конфликты, кошмары, крики, компромиссы, коллизии...)

После Кердимуна переписывался

Приглашённые для консультации психиатры решили, что в домашних условиях поделаться уже ничего нельзя. Осенью 1978 г. Ковенацкий был госпитализирован в психиатрическую больницу им. П.П.Кашенко. Клиника: клетка вместо кельи. Когорта коек. Куцый коридор. Кромешный круговорот консилиумов, консультаций, капельниц, клистиров. Казённые кашки-компоты-кисели... Лечение психиатрической проблемы оказалось возможным, и художник был выписан с улучшением. Но, вероятно, инъекции нейролептиков, действие которых купировало яркость и остроту психотических проявлений и психомоторного возбуждения, стало одной из причин развития у Ковенацкого лекарственного паркинсонизма.

После выписки приступы возбуждения прекратились. Художнику было назначено поддерживающее психотропное лечение. Ковенацкий по-прежнему жил у родителей, но он смог возобновить работу. Теперь тематикой его работ стали натюрморты, пейзажи, увеличенные варианты прежних гравюр «Тропа кентавров», «Игра дракончиков» и пр. Работы производили двойственное впечатление: техника сохранилась, но что-то ушло навсегда. Он и сам писал об оскудении своей творческой фантазии. Тем не менее начинало казаться, что жизнь постепенно приходит в норму, настораживали лишь периодически возникающие у Ковенацкого непроизвольные движения мышц, странное перепятывание, неусидчивость, изменение походки, лёгкий тремор пальцев рук. В августе 1983 г. художник внезапно прекратил приём лекарств, сказав родственникам, что его «будет лечить травник». Вскоре психическое состояние Ковенацкого снова ухудшилось. В феврале 1984 г. он начал застыть в неудобных позах: теперь психиатрическую клинику определяли феномены кататонии. К весне у него развилась пневмония, он уже не мог двигаться. Ковенацкого госпитализировали в психосоматическое отделение 67-й больницы, где основным контингентом были бомжи, бродившие по отделению в коротких до пояса рубашках (чтобы не сбежали). Художник был почти обездвижен, не мог самостоятельно есть, у него появились пролежни, заживавшие потом очень долго. Летом 1984 г. Ковенацкий был выписан из клиники с улучшением. Но его побочный диагноз – лекарственный паркинсонизм в акинетической форме продолжал доставлять художнику серьёзные проблемы. Препараты, корректирующие симптоматику паркинсонизма, смягчали клиническую картину, но это лечение шло с переменным успехом и радикального улучшения не наступало. В феврале 1986 г. снова пневмония и вновь полная моторная обездвиженность. Болезнь протекала по прежней схеме: ступор – пневмония – пролежни, ставшие причиной сепсиса, приведшего спустя некоторое время к летальному исходу...

Коллапс. Камфора, кордиамин. Кома. Конец...

Последним общезнанием художника Владимира Ковенацкого стало кладбище.

На одной из гравюр художник изобразил себя в виде Буратино – с носом-штихелем. Ковенацкий много раз пробовал проткнуть холст с нарисованным котелком, но всякий раз оказывалось, что за холстом либо ничего нет, либо за ним всё те же соседи по коммунальной квартире. А потом окончательно выяснилось, что нет и самого холста, а есть только морок, навеянный мечтами детства и фантазиями художника.

Игорь ЯКУШЕВ,
доцент Института
ментальной медицины.

Северный государственный
медицинский университет.

Архангельск.

НА СНИМКЕ: одна из гравюр В.Ковенацкого.